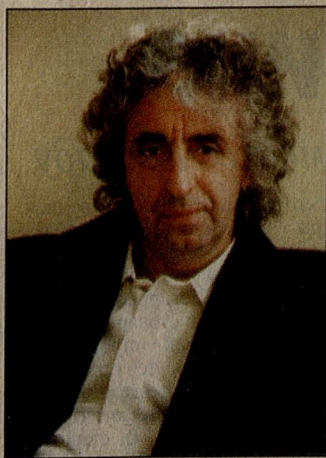

Александр ГАЛИН

Дорогой Саша!
Я опять пишу тебе письмо и не опускаю его в почтовый ящик, а посылаю в «ОГ» (см. № 4 от 27.01.00 г.).

Может быть, и правы те, кто считает, что гораздо проще тебе позвонить или тебя увидеть и всё передать устно? И вообще, к чему эта выпренность в наше время — писание длинных писем? Ну, сыграл артист еще одну роль. Театральные критики похвалят его или поругают. Зачем еще что-то писать? Можно просто обнять артиста после премьеры, поблагодарить, поздравить! Я так и сделал после спектакля «Шейлок», в котором ты сыграл главную роль. Я, может быть, и не написал бы тебе, если бы не последняя наша встреча, вернее, репетиция. Готовясь к первому в этом сезоне спектаклю «Чешское фото», вы с Николаем Караченцовым вспоминали мизансцены и повторяли текст, и ты сделал две нечаянные оговорки в роли Павла Раздорского, которую ты уже пятый год вдохновенно играешь на леномской сцене. Вместо реплики: «Я завтра в Москву уезжаю», ты произнес — «Я завтра в Париж уезжаю», и вместо фразы: «Ты уже и за дедушку отомолол», сказал — «Ты уже и за дедушку заплалил». Так как оговорки случились не на спектакле, а на репетиции, то на них никто, кроме нас с тобой, не обратил внимания, но мне появление этих оговорок показалось не случайным. После приступа сдержанного всеми силами смеха (не мог же я сам срывать свою репетицию) я понял, что роль богача Шейлока начала напоминать о себе. Вот ты уже собрался вместо Москвы в Париж, вот ты за какого-то чужого дедушку заплалил. Теперь мне придется чаще ходить на твои спектакли и следить за тобой — главные оговорки у тебя еще впереди! О случайных оговорках артистов ходят в нашем театре легенды. Может быть, я займусь исследованием их, когда писание писем мне наскучит.

Я стал думать о твоём Шейлоке и понял, что меня больше волнует не происхождение актерских оговорок, а происхождение кличек и прозвищ.

В спектакле Шейлока почти не называют по имени, а окликают Еврей или Жи! Футбол — твоя и моя любовь с детства. Я был исключительно знаменит как нападающий дворовых команд и имел, как Пеле, Гарринча, Вава и Диди, свое собственное футбольное имя — Буда. Мои товарищами по команде были Джин, Холуй, а также незабвенный Соса. Они приняли меня, играли на меня, постоянно искали меня на поле, веря в мой талант, кричали: — Буда! Буда!

И я прекрасно играл! Я был на острие атаки! И вот, когда слух о моих успехах вышел за пределы улиц Веселой и Максима Горького, я был включен в детскую сборную спортивного общества «Трудовые резервы» и приглашен на матч с командой из города, носившей воинственно-гордое имя Орел. При небольшом скоплении народа, сидевшем в основном на восточной трибуне, воспетой мной в одноименной песне, происходила эта игра. Меня выпустили сразу, в основном составе. Получив мяч, я немедленно обвел несколько орловчан и помчался к воротам. Бежавший рядом паренек кричал, молил, требовал паса, и все время звал меня: — Еврей! Еврей!

Он не дразнил меня, не оскорблял — он ублажал, жаждал участвовать в атаке. Он просто не знал моего имени! Я это понимал, но как только я это услышал, обиды, боль и растерянность пронзили меня. Мне показалось, что не только все на футбольном поле, но и люди на трибуне, весь мир никогда больше не будут звать меня по имени, а будут называть «Еврей»!

Я был уже перед огромными воротами, в которых растерянно метался вратарь. Я ударил по воротам, но удара не получилось. Мяч покотился в руки вратарю. Через короткое время меня заменили. Я не мог играть — силы оставили меня. Так закончилась моя футбольная карьера, о которой я мечтал.

Но я решил написать тебе не только о мечтах провинциальных мальчишек и их обидных кличках, но и о любви евреев к деньгам.

В ИЗОБРАЖЕНИИ национальных типов существуют штампы. В этом ряду американцы — с сигаретами и ногами на столе; немец — с обязательным красным, ветчинным лицом и бокалом пива; украинец — с куском сала; грузин, в припадке гостеприимства отдающий последнюю.

У штампа нулея — длинный и заостренный нос, бетающие глаза, картоватость, он быстр, хитер, расчётлив и он любит копейку, а также франк, лиру и марочку любит. Но есть штампы не только изображения наций и народностей, но и зрительского восприятия. Конечно, они возникли не сами собой. Под ними историческая, религиозная, говоря одним словом — жизненная почва.

Слепому случаю было угодно, чтобы произошел я, Саша, из беднейших слоев еврейского народа. Первые годы жизни я провел под лестницей, не в переносном, а в прямом смысле. Отец забил фанерой пространство от пола до края лестницы, внутри образовавшегося жилища, на тыльной стороне ступеней, приделал лампочку, и таким вот образом нашлось место на нашей гостеприимной планете для отца с матерью и для меня с сестрой. В воспоминаниях Марка Шагала я прочел о том, что первый год своей жизни он спал в корыте, и вспомнил, что и я первые счастливые сны увидел в такой же железной лодке.

В инструментальном цехе курского Электроаппаратного завода, возможно, уже и не осталось людей, которые помнят юного лодбейника Шуру, по кличке Француз. Ты спросишь меня, почему Француз? Происхождение этого, одного из самых первых моих псевдонимов, я думаю, было следующим. Видя мою национальную исключительность в среде курского рабочего класса, меня называли так, потому что называли, например, Паратимы инструментальщики посчитали несправедливым. Рабочие в кличке Француз отделили то, что я не торговал в ларьке, не работал по снабжению, не рвал зубом, не был сыном директора центральной аптеки (с такой длинной и болезненно нерусской фамилией, что произнести ее до конца никто не мог), а был просто сыном Миши. Они понимали, что мне уготовано незамысловатое прожитие в роли сына Миши какое-то время и в этом звании тихо покинуть этот мир, и это их устраивало. Их устраивало то, что я, как и мой отец, занимался обработкой неблагородных металлов, что тоже разрушало стереотип национального восприятия, на который активно работали, например, ювелирщик Вениамины Журавель. Он обрабатывал исключительно благородные металлы. Громоздкий и сочный красавец, как будто специально созданный для статьи советского Уголовного Кодекса, карающей за нетрудовые доходы, Вениамины возмущался над прилавком магазина «Ювелирный» и улыбался двумя рядами золотых зубов. Прибавь сюда перстень и золотые часы, и ты получишь, почему женщины любили его до умопомрачения. Они специально приходили в «Ювелирный», не столько посмотреть на украшения (мало кто из них мог тогда купить их), сколько полюбозваться на золото Журавель. Но кличка Вениамины не отражала его невиданного жизненного успеха. За глаза (а иногда и в глаза) его звали почему-то Абраша! И он назывался Абрашей до тех пор, пока не был все-таки осужден...

ИЗ ТЮРЬМЫ Вениамины вернулся хмурым и молчаливым. Он улыбался очень редко, потому что золотых зубов у него уже не было. Вместе с золотыми зубами Вениамины утратил не только феноменальный успех у женщин, но и свою кличку. Он устроился работать грузчиком в гастроном, что выпало, конечно, его прежние связи, но в глазах людей это было уже недостоинство для клички Абраша. Вель кличка Абраша в сознании убийцы определяла греховную прищипанность малого народа к тайному перераспределению об-

щественного продукта, созданного тяжелым трудом народа большого. Грузчика Журавель наконец-то начали звать по имени. Очень часто в нашем многонациональном советском народе прозвищем становилась сама национальность. Все реже, конечно, но и сейчас встречается еще человек по кличке Татарин, Грузин или Хохол.

ДРУГА моего детства Федю Немца жестоко преследовали на пересечении курских улиц Веселой и Максима Горького. Его отцом был пленный немецкий солдат. Рыжий Федя, с лицом усыпанным веснушками, за злодеяния фашизма ответил сполна. Хотя его имя не упоминалось на Нюрнбергском процессе, его подвергали ежедневным, коллективным ритуальным избиениям. Особенно усердствовал в этом Вася Селиверстов по кличке Клык. Клык преследовал и меня, но у него не было ни одного из тех, что я принадлежал к другой нации, пострадавшей от фашизма. Видимо, Клык не смог до конца разобраться в таких противоречиях и просто бил тех, кто слабее его. Я никогда не участвовал в этих актах возмездия, и поэтому мы с Немцем были дружны. Вскоре они с матерью куда-то переехали, и я потерял его из виду.

Однажды, целую жизнь спустя, на премьерном спектакле моей пьесы в Берлине мне помогал рыжий человек и спросил, Шура ли я? «Да», — ответил я, — Шура. Он от растерянности и волнения заплакал, обнял меня и сказал: «Я — Немец».

Потом он сообщил, как, придя на спектакль про русскую жизнь, вдруг услышал название родного города и улицы, и имена людей, живших в его дворе. Потрясенный, он увидел в программе лицо автора и узнал меня. Я услышал продолжение его поучительной истории. Федя Немец, не дожидаясь паления Берлинской стены, отправился на поиски своего отца. Для этого он стал корабельным матросом. Не сразу он был допущен к заграничным. Не вдавываясь в подробности своих мытарств и переходов через многие границы, он рассказал, что все-таки нашел отца. Но он не был допущен к нему по законным причинам, не захотевшим еще одного брата. Его никто не бил, как в детстве, но для немцев он был русским. Может быть, они звали его Федя Русский? Скорее всего. Так же мучительно пришлось ему доказывать братьям, что он немец, как когда-то он, плача и утирая кровь с разбитого лица, доказывал Клыку, что он русский.

Федя не стал выпрашивать у немцев покаяния. Сжав зубы, он много работал и достиг немалых вершин в кулинарном искус-

Любовь к деньгам, или Слеза олигарха

ство, став одним из лучших повара, специалистов русской кухни в Германии. Но главный час возмездия наступил тогда, когда уже после падения Берлинской стены хозяин большого русского ресторана во Франкфурте Федя Немец, прибыв в Курск, прошел по улице Максима Горького и на пересечении с улицей Веселой встретил своего бывшего обидчика. Не буду здесь описывать внешнего вида и внутреннего состояния Клыка. Основной задачей Василия в тот момент было дождаться открытия пункта сдачи винной посуды и конвертировать некоторое количество бутылки в деньги для спасительного опохомела. Федя дал Васе немного денег и назвал себя. Клык вспомнил Немца и принял деньги, но не как гуманитарную помощь, а как контрибуцию.

Я пишу об этом с болью, потому что Клык уже не в живых. То ли пункт приема посуды открылся с опозданием, то ли по какой-то другой причине, но однажды Вася Клык так и не вышел из алкогольного анабиоза. Путь души Васи Селиверстова, пролетая сейчас где-то на Венских путях своего исцеления, услышит, что и я Федя Немец не держим на него зла.

ЭТА история имела продолжение, но уже без прямого участия Федя Немца. Однажды меня нашел немецкий кинокорреспондент и предложил написать сценарий о том феноменальном историческом факте, что евреи охотно иммигрируют в Германию. В ответ я рассказал ему историю Федя и написал сценарий «Женщина Европы» о дочери пленного немца, которая решила найти своего отца. Сценарий очень понравился режиссеру, но продюсеры меня попросили внести только одну поправку: приехавшая из России женщина обязана должна была быть связана с мафией.

Штамп русского бандита, после штампа советского коммуниста, являющийся прочные позиции в широком сознании европейского зрителя, требовал своей политики. Но я не мог, конечно, оксвернуть память о страданиях маленького Федя и отказался. Так и лежит у меня по сей день в столе этот сценарий. Может быть, когда-нибудь наступит время и я сам сниму по нему фильм.

Но вернемся к Шейлоку. Спектакль «Шейлок» поставлен уже при капитализме, каком-никаком, русском, но все-таки — капитализме. Поэтому спектакль, в котором фигурируют долговые обязательства, банкротства и перераспределение денег, уже не является чем-то далеким. Он уже не только «про них». Он и про нас.

Если посмотреть, Саша, на сцену глазами сидящего в зале рядового нашего зрителя, впервые попавшего на спектакль «Шей-

лок», учительницы или фельдшера, лифтера или водителя троллейбуса, то мы увидим на ней сияющий белозной офис не то банка, не то биржи, не то финансовой корпорации, где мерцают компьютерные экраны и бежит светящаяся строка, увы, а пока еще нестерпимо чужим и непонятным им Дю Джонсом. За компьютерами сидят молодые люди в черных современных костюмах и в кипах, и зритель задает себе вопрос: а где это они сидят? В какой стране? И если, например, многие из американских зрителей с детской доверчивостью решили бы, что они смотрят производственную пьесу о буднях Уолл Стрита, то наши зрители ищут то, что подразумевает художник, потому что у нашего зрителя пороги доверия художнику очень высоки. И они понимают, что именно так, или почти так, выглядят сейчас места, где управляют финансовыми потоками, и люди, которые ими управляют. И они понимают, что все это имеет гораздо меньшее отношение к Венеции эпохи Возрождения и гораздо большее к пространству бывшего нашего Союза — огромному куску земной поверхности, на котором живут сотни миллионов людей, где идут этнические войны и где так близко встретились средневековые и двадцать первый век.

ШЕЙЛОК разбогател, давая в долг под проценты. Известно, что тех, кому должны, в конце концов начинают ненавидеть. Как же мог Шейлок разбогатеть в том самом месте действия, под которым подразумевается постсоветское пространство? Раньше у нас, при «развитом» была стройная система воровства — у всех воровало социалистическое государство. Оно своей репрессивной мощью дисциплинировало остальных граждан. Под конец своего существования, устроив несколько денежных реформ, оно разорило своих граждан полностью. Но, как оказалось, не всех. Пущенные заблаговременно в кооперативное движение, а затем и в более серьезные бизнес, партийные и комсомольские функционеры, молодые агенты специальных служб в исключительно короткий срок превратились в богатых людей.

Теперь уже не ослабевшее государство, а эти свободные наши граждане воруют у государства, друг у друга, а также у народа. Народ тоже, конечно, ворует, как может, но по мелочам — возможностей у него значительно меньше. Увы, многие наши граждане не умеют хорошо работать, а умеют только хорошо воровать. Наш богач, сжав свою душу в кулак, ненавидя весь мир, мечется по тайным лабиринтам воровской экономики, норовя туда, где спрятались чужие день-

ги, тоже, впрочем, у кого-то украденные. Он видит во сне еще не украденные заводы и дома, квадратные метры и гектары, он живет за глухим забором с охранниками, которые его за глаза называют «гидой». Я думаю, Саша, о твоём Шейлоке и задаю себе вопрос: неужели он был секретарем обкома или горкома комсомола? Нет, невозможно! Скорее всего, он был тем, кого у нас называют «умным еврей при генерал-губернаторе», то есть человеком с образованием, который помогал «коренным» конвертировать их власть в деньги. Перепалало и ему.

Мы с тобой, Саша, живем в Москве и видим богатство и нищету. Вернее, второе мы видим, а о первом догадываемся. Я знаю, что есть богатые люди, но чаще, чем их самих, вижу фасад их существования, в прямом и переносном смысле. Богачи открывают миры и людям, но не в реальном мире, а в виртуальном. Они часто становятся просто нашими «близкими друзьями и соседями», но проживают при этом они не в наших домах, а на телевизионных экранах. В реальности они скрыты за темными стеклами машин и за высокими заборами. Они, в общем-то, избегают людей. И не только у нас. На набережной в Сан-Тропе собирается много зевак, приехавших со всего мира. Они сидят за столиками кафе и смотрят на парад великопешных океанских яхт, стоящих у причала. Белые палубы сверкают на солнце, горят медные бляхи. Загорелые капитаны и матросы прохаживаются по мостикам. Но холодно и тускло смотрят в мир черные стекла машин и в кают. За ними те, кому принадлежат эти яхты, а также многое другое на этой земле. Посмотреть на них и приходить на набережную те, у кого доходы значительно ниже. У горнозаводов охраняют этот великопешный спектакль корабли шестого Американского флота и по набережным гуляют в освещенно белом флоте американские моряки. Здесь, как и на всяком курорте, все погружено в легкую, обморочную атмосферу греха и счастья. Женщины в такой атмосфере теряют контроль и, практически, отдаются своим спутникам на набережной, по пути к гостиничному номеру. Я сидел за столиком, смотрел по сторонам — и я видел, как все ожидало появления богачей. Показался на миг какой-то мелкий япончик, провел двухметровую мулатку не человеческой красоты в белом. Прошли два арабских парня, и потому, как были встречены командой, можно было предположить, что один из них хозяин яхты. Остальные и вовсе были без особых примет. Шейлоков среди них не было. Может быть, они и приби-

ли на Лазурный берег, но тихонько, не вызывая к себе интереса.

ТОЧНО так же и твой Шейлок появился на сцене, словно не желая быть замеченным. Он прятал лицо от зрителя, подозрительно косился по сторонам: не смотрит ли на него еще кто-то из-за кулис? И не горюшил на сцену вслед за своим антиподом Антонио, который как истинный венецианец имел все преимущественные права на крупный план. Но, увы, в театре нельзя спрятаться за темными стеклами — пришлось и твоему еврейю выходить вперед. Перед тобой, Саша, стояла трудная и парадоксальная задача: заставить зрителя пожалеть, а значит, и полюбить человека по имени Шейлок, хоть в нем и подразумевается некий олигарх. Парадокс состоит в том, что ростовщик Шейлок очень богат и защищен деньгами, а зритель наш еще не умеет сострадать очень богатым людям. И не скоро научится. Любовь евреев к деньгам в восприятии российского зрителя и зрителя всегда была, мягко скажем, комична. Она напоминает нам о «жидках» великой русской литературы, об анекдотах на тему еврейской скупости. После же коммунистического варварского отношения на «шестой части суши» к собственности и к человеку как к обладателю собственности вызвать сочувствие и любовь зрителя к еврейю-ростовщику задача непосильная. Барыга Шейлок в этом смысле притворен в нашем театре равнодушию зрителя. Хотя бывают и исключения.

В ПЕРЕДАЧЕ «Куклы» был показан остроумный сюжет по мотивам мопассановской «Пышки». Кукла Пышка, с лицом всем до боли известным мужчине, живущего в России под кличкой Олигарх, в финале, обливается слезами, шла по улице. За кадром звучала музыка из фильма Феллини. Обманутая и обманутая остальными куклами, кукла олигарха вдруг вызвала острую жалость. Слезы текли по ее каучуковому лицу. Мне как артисту областных кукольных театров приходится признаться, что в ряду последних событий российского искусства этот крохотный эпизод (назовем его «Слеза олигарха») один из самых примечательных.

Конечно, великий итальянский композитор Нино Рота и память о слезах Джульетты Мазини были главной причиной моего сострадания кукле. Но под такую музыку можно простить всё, и не только олигарху.

Но вернемся от куклы олигарха к тебе, живому артисту, одному из очень немногих, кому дано вызывать любовь и сострадание к своим героям.

Шейлок, как всякий еврей, даже что-то укравший, постоянно живет в ожидании черного дня. Ты сказал в этой роли о том, о чем я много думал, вспоминая, как берет копейку мой отец, вместе с матерью столько лет безуспешно борющийся с бедностью. Ты сказал о вынужденной, спаси-

те, как Башмачкин любил числа так, как Шейлок любил числа. С ними он уверен в себе. Он знает, что в мире чисел нет инородцев. У чисел нет, как у букв, кириллицы или иероглифов. С ними он равный среди равных, без них он — инородец. Как легок, расточителен и обаятелен его антипод Антонио! Как легко ему расставаться с деньгами! Ведь он живет в СВОЕЙ стране, где законы защищают прежде всего его, а потом уже других.

В ООБЩЕ, Саша, так странно получилось, что спектакль о еврее Шейлоке и твоя роль в нем стали финальной точкой моего короткого летнего путешествия по еврейским местам. Я был весь июнь в Одессе. В городе, воспетом Исааком Бабелем, разрушенном и неостанов, уже почти не осталось Шейлоков. Только те из них, кто не смог разбить этот город, и те, у кого не было сил начинать новую жизнь, остались в этих прекрасных руинах.

В Иерусалиме, я повторяю, я был утром накануне спектакля, за день до премьеры. Шейлоки стояли у Стены Плача под знойным солнцем. Ехали в автобусах и в автомобилях. Это были дни Пасхи. Мы с Галей шли обычным нашим путем: сначала к Стене Плача, потом в христианскую часть Иерусалима, к Храму Гроба Господня.

На Виа Долороса мы увидели нескольких американцев, которые брели дорогой Христа к месту его казни. В густой толпе, сгибаясь под тяжестью, они несли кресты, подобно Сыну Божьему.

Они останавливались там, где описывают что Святые книги, они подвергали себя тому же испытанию, стараясь почувствовать всю тяжесть креста. На них привязаны и равнодушно смотрели из арабских лаков торговцы сладостями и пряностями. Их обгоняли монахи различных конфессий. Навстречу им медленно шли туристы. Дойдя до Голгофы, они оставили кресты. Несколько юной подняли их и бегом понесли обратно, к началу Крестного пути, для новых «страдальцев» веры. И уже те повторили путь Христа, и делали это с наслаждением. Им было так легко! Тяжесть инакомыслия была для них только временной физической, а не вечной духовной ношей. И я не стал узнавать, кому принадлежат кресты, и кто придумал и организовал этот аттракцион, и сколько стоит сейчас в Иерусалиме на короткое время стать Сыном Бога.

КАК много теперь в мире таких вот аттракционов! Как часто в жизни и в искусстве мы встречаем таких вот страдальцев духа!

Мне в жизни больше пришлось видеть еврейскую бедность, чем богатство. Это понятие — в каждом народе бедных людей больше. В Израиле я часто встречал Шейлоков, которые подметают улицы, стригут газоны и чинят туалеты. Многие из них, как и твой Шейлок, Саша, говорят на русском языке, но не стихают.

В своей жизни я лишь однажды близко видел по-настоящему богатого Шейлока. Это был Де Бирс. Его жена уже тогда было далеко за шестьдесят, а ему далеко за девяносто. Накануне премьеры в Тель-Авиве моей пьесы на языке идиш мы ели с ними в шабат фаршированную рыбу в доме руководителю театра Шмуэля Алмона. Внимание мое больше привлекала она, в восемьдесят с лишним лет много курившая и выпившая приличное количество вина. Необыкновенная жизнерадостность отличала их от остальных гостей. Я пришел в гости, с кладбища, где похоронена моя мать. И в день, предшествующий твоему спектаклю, Саша, я снова был на том же кладбище. Там похоронены разные Шейлоки. Но одно их объединяло — намучившись и наскитавшись по гостям, они нашли, наконец, покой.

Какие клички и прозвища были у них и на каких языках? Придет ли, Саша, такое время, когда всех нас будут звать по имени, которые дают нам наши матери и отцы?

тельной скупости! Рассеянные по миру, веками не имевшие собственной земли, евреи в чужих странах были квартирантами, а за постой надо было платить. Их спасали от уничтожения скупость, любовь к деньгам и то, что все народы, населяющие землю, любили деньги не меньше евреев.

Твой Шейлок любит числа так, как Башмачкин любил буквы. С ними он уверен в себе. Он знает, что в мире чисел нет инородцев. У чисел нет, как у букв, кириллицы или иероглифов. С ними он равный среди равных, без них он — инородец. Как легок, расточителен и обаятелен его антипод Антонио! Как легко ему расставаться с деньгами! Ведь он живет в СВОЕЙ стране, где законы защищают прежде всего его, а потом уже других.

В ООБЩЕ, Саша, так странно получилось, что спектакль о еврее Шейлоке и твоя роль в нем стали финальной точкой моего короткого летнего путешествия по еврейским местам. Я был весь июнь в Одессе. В городе, воспетом Исааком Бабелем, разрушенном и неостанов, уже почти не осталось Шейлоков. Только те из них, кто не смог разбить этот город, и те, у кого не было сил начинать новую жизнь, остались в этих прекрасных руинах.

В Иерусалиме, я повторяю, я был утром накануне спектакля, за день до премьеры. Шейлоки стояли у Стены Плача под знойным солнцем. Ехали в автобусах и в автомобилях. Это были дни Пасхи. Мы с Галей шли обычным нашим путем: сначала к Стене Плача, потом в христианскую часть Иерусалима, к Храму Гроба Господня.

На Виа Долороса мы увидели нескольких американцев, которые брели дорогой Христа к месту его казни. В густой толпе, сгибаясь под тяжестью, они несли кресты, подобно Сыну Божьему.

Они останавливались там, где описывают что Святые книги, они подвергали себя тому же испытанию, стараясь почувствовать всю тяжесть креста. На них привязаны и равнодушно смотрели из арабских лаков торговцы сладостями и пряностями. Их обгоняли монахи различных конфессий. Навстречу им медленно шли туристы. Дойдя до Голгофы, они оставили кресты. Несколько юной подняли их и бегом понесли обратно, к началу Крестного пути, для новых «страдальцев» веры. И уже те повторили путь Христа, и делали это с наслаждением. Им было так легко! Тяжесть инакомыслия была для них только временной физической, а не вечной духовной ношей. И я не стал узнавать, кому принадлежат кресты, и кто придумал и организовал этот аттракцион, и сколько стоит сейчас в Иерусалиме на короткое время стать Сыном Бога.

КАК много теперь в мире таких вот аттракционов! Как часто в жизни и в искусстве мы встречаем таких вот страдальцев духа!

Мне в жизни больше пришлось видеть еврейскую бедность, чем богатство. Это понятие — в каждом народе бедных людей больше.

В Израиле я часто встречал Шейлоков, которые подметают улицы, стригут газоны и чинят туалеты. Многие из них, как и твой Шейлок, Саша, говорят на русском языке, но не стихают.

В своей жизни я лишь однажды близко видел по-настоящему богатого Шейлока. Это был Де Бирс. Его жена уже тогда было далеко за шестьдесят, а ему далеко за девяносто. Накануне премьеры в Тель-Авиве моей пьесы на языке идиш мы ели с ними в шабат фаршированную рыбу в доме руководителю театра Шмуэля Алмона. Внимание мое больше привлекала она, в восемьдесят с лишним лет много курившая и выпившая приличное количество вина. Необыкновенная жизнерадостность отличала их от остальных гостей. Я пришел в гости, с кладбища, где похоронена моя мать. И в день, предшествующий твоему спектаклю, Саша, я снова был на том же кладбище. Там похоронены разные Шейлоки. Но одно их объединяло — намучившись и наскитавшись по гостям, они нашли, наконец, покой.

Какие клички и прозвища были у них и на каких языках? Придет ли, Саша, такое время, когда всех нас будут звать по имени, которые дают нам наши матери и отцы?

На фотографии Александр Калагин в роли Шейлока

Главный редактор номера: Виталий ЯРОШЕВСКИЙ
Газета зарегистрирована в Мининформчечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЫКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: ivov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связь с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛЮНЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

С этим изданием, а также в рамках
публикации пресс-релизов, информаци-
онно-коммерческих материалов
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общая тираж «ОГ» — 206705 экз. (региональный — 144000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене
Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
Заказ 2530.
Намер подписан в печать 11.10.2000 г.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Голубинская, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: sekretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). Адрес «Гостини «ОГ»: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редакторы: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЕЦ, Юрий СОЛОМОНОВ, Мария СЕДЬХ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор).
Руководители направлений: Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ирина ДЕМЕНТЬЕВА (мнения), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ-Петербург»), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮЧАНОВ (международная жизнь). Обозреватели: Олег ВЛАДИКИН, Максим ГЛИКИН, Василий ГОЛОВАНОВ, Елена ДИКУН, Игорь КОРОЛЬКОВ, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПУЛТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юлия ЧУПРИНИНА.

Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Лариса ДЯЧУК (Киев),
Наталья ЛОПТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор ЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.